начинает подозревать свой ближний круг в заказном убийстве: «Даже если тебя и заказали, в чем я глубоко сомневаюсь…», «Заказал, конечно, кто-то из «невозвращенцев», «Ну вот: не захотела делиться по суду, вот и заказала», «Веселкин с Тоней его заказали и от них надо избавиться». Учитывая, что слежку за Свирельниковым заказала дочь Алена, можно предположить следующую параллель: Алена – Саломея, Тоня – Иродиада, Ирод – Веселкин. Еще одним подтверждением бездуховности Свирельникова становится игнорирование духовно-нравственных законов: на фоне дня поминовения Иоанна Крестителя, когда, согласно народным поверьям, нельзя ничего резать, главный герой заказывает убийство Тони и Веселкина.

Таким образом, роман «Грибной царь» Ю. Полякова представляет собой произведение, изобилующее авторскими неологизмами, яркими образами, «отсылками» на другие произведения классической литературы.

Список источников

1. Большой толковый словарь русских существительных : свыше 15 000 имен существительных, идеографическое описание, синонимы, антонимы / авт.-сост.: Л. Г. Бабенко и др. ; под общ. ред. Л. Г. Бабенко. – Москва : АСТ-Пресс Книга, 2005. – 862 с.
2. Большакова, А. Ю. История и гротеск в прозе Юрия Полякова / А. Ю. Большакова // Знание. Понимание. Умение. – 2009. – № 3. – С. 141–146.
3. Воротынцева, К. А. К проблеме повседневности в нарративном дискурсе романа Ю. М. Полякова «Грибной царь» / К. А. Воротынцева // Сибирский филологический журнал. – 2012. –№ 1. – С. 80–85.
4. Сорокина, Н. В. Юрий Поляков: контекст, подтекст, интертекст и другие Приключения текста: ученые (и не очень) записки одного семинара. М.: изд-во АСТ, 2020. 256 с. / Н. В. Сорокина, М. М. Голубков // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2021. – № 3. – С. 184–187.
5. Захидова, Л. С. Мифологический подтекст как специфика идиостиля писателя (на примере романа Ю. М. Полякова «Грибной царь») / Л. С. Захидова // Идеи и идеалы. – 2021. – № 3–2.– С. 337–347.
6. Ибадова, Н. Э. Художественное время московского текста Юрия Полякова / Н. Э. Ибадова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 458-467.
7. Карелова, О. В. К вопросу изучения индивидуального стиля автора / О. В. Карелова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2006. – Т. 3, № 20. – С. 24–29.
8. Поляков, Ю. М. Грибной царь / Ю. М. Поляков.– Москва : АСТ, 2007. – 512с.
9. Сунь, С. Метафоры веры в романах Ю. М. Полякова / С. Сунь, П. В. Маркина // Культура и текст. – 2024. – № 4(59). – С. 63–74.

Скрипченко Алиса Юрьевна
Алтайский государственный педагогический университет
г. Барнаул, Россия
Научный руководитель: Маркина Полина Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент

ГРАФИЧЕСКИЙ РОМАН КАК ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ КЛАССИКИ: АНАЛИЗ АДАПТАЦИЙ ПУШКИНА, ГОГОЛЯ, БУЛГАКОВА

Аннотация. В статье рассматривается феномен графических романов как способа актуализации классической литературы. На примере адаптаций произведений А. С. Пушкина,

Н. В. Гоголя и М. А. Булгакова анализируется, как визуальная составляющая меняет восприятие текста и какие смыслы акцентируются в графических интерпретациях.
Ключевые слова: графический роман, адаптация, классика, визуальная культура, интерпретация, Пушкин, Гоголь, Булгаков.

Scripchenko A. Y.
Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract. The article examines the phenomenon of graphic novels as a way to actualize classical literature. Using the example of adaptations of works by A. S. Pushkin, N. V. Gogol and M. A. Bulgakov, the article analyzes how the visual component changes the perception of the text and what meanings are emphasized in graphic interpretations.
Keywords: graphic novel, adaptation, classics, visual culture, interpretation, Pushkin, Gogol, Bulgakov.

GRAPHIC NOVEL AS A REINTERPRETATION OF CLASSICS: AN ANALYSIS OF ADAPTATIONS BY PUSHKIN, GOGOL, BULGAKOV

Актуальность темы обусловлена растущей популярностью графических романов и необходимостью поиска новых методов преподавания классической литературы в условиях цифровой трансформации образования. Визуальные адаптации могут служить мостом между традиционной книжной культурой и цифровой средой, в которой формируется читательский опыт современных школьников и студентов. Новизна работы заключается в комплексном анализе графических адаптаций русской классики с точки зрения их педагогической и культурной ценности.

«Евгений Онегин» А. С. Пушкина

Графическая адаптация романа А. С. Пушкина акцентирует внимание на психологизме и внутреннем мире героев [1, с. 120]. Ключевые особенности визуализации:

Цветовая палитра и атмосфера: холодные сине-серые тона в петербургских главах подчёркивают отчуждённость столичного общества; тёплые золотисто-коричневые оттенки в деревенских эпизодах передают теплоту и искренность сельской жизни [1, с. 135].

Визуальная характеристика персонажей и социальная дистанция.

Онегин: строгий костюм с чёткими линиями силуэта – символ принадлежности к высшему обществу; статичная поза и отстранённый взгляд – подчёркивают апатию и скуку; жёсткие, геометричные линии одежды в сценах бала – символ искусственности светского мира [1, с. 140].

Татьяна: свободное платье с мягкими контурами в деревенских сценах – подчёркивает естественность и близость к природе; открытые жесты и расслабленная поза; изображение в профиле или полуобороте в сценах чтения романов или прогулок по саду – передаёт мечтательность и внутреннюю сосредоточенность [1, с. 145].

Символика: сцена объяснения в саду: Татьяна на фоне цветущих кустов, Онегин – на открытой поляне; кусты как символический барьер подчёркивают невозможность их союза [1, с. 150]; пейзажи, символизирующие течение времени и смену сезонов: осень (жёлтые и оранжевые листья) – увядание и зрелость; зима (заснеженные поля и голые деревья) – холод и одиночество [1, с. 155]; весна (цветущие деревья и яркое солнце) – возрождение и надежда; символика зеркал и отражений в сценах одиночества Онегина (искажение или размытие фигуры) – подчёркивает его внутренний кризис [1, с. 160].

Визуализация ключевых сцен. Письмо Татьяны: строки письма переплетаются с изображением Татьяны у окна ночью, лунный свет падает на бумагу – подчёркивается интимность момента и сила чувств [1, с. 170]. Сон Татьяны: искажение пространства (изгибающиеся деревья и фигуры людей), насыщенные цвета, элементы фольклора (медведь, лес как лабиринт) – усиливается мистическая атмосфера и предвосхищаются

будущие события [1, с. 175]. Дуэль: чёрный силуэт Онегина на белом снегу, дым от выстрела, застывшие фигуры секундантов – создаётся ощущение необратимости происходящего [1, с. 180].

«Мертвые души» М. В. Гоголя

В графической версии образы помещиков гиперболизированы до гротеска – это усиливает сатирический эффект и подчёркивает их духовную деградацию [2, с. 114].

Визуальная характеристика персонажей:

Манилов: с неестественно длинными руками и вытянутой фигурой, мечтательным взглядом. Дом с нелепыми архитектурными элементами (беседка «Храм уединённого размышления» с плоским куполом), разбросанные клумбы и заросший пруд символизируют пустые мечты [2, с. 116].

Плюшкин – сгорбленный, почти призрачный, тень больше фигуры (поглощение личности накопительством). Символичные детали: паутина на маятнике часов (остановившееся время), белый ствол берёзы без верхушки (деградация после смерти жены), замок на воротах (отчуждённость от мира) [2, с. 117].

Ноздрёв – крупные черты лица, динамичные позы (энергия и хаотичность). Визуальные маркеры: угловатые линии силуэта, хаотичное расположение предметов вокруг, красный цвет в одежде (необузданность) [2, с. 118].

Коробочка – округлые формы, окружение предметами быта (приземлённость). Символы: картины с птицами на стенах (глупость), лужа перед домом (ограниченный кругозор), мешочки с деньгами в комоде [2, с. 118].

Собакевич – массивная фигура с тяжёлыми чертами, напоминающая каменное изваяние. Детали: толстые ноги колонны, взгляд «на угол печки или на дверь» (неповоротливость мышления), портреты греческих полководцев на стенах (пародия на самомнение) [2, с. 118].

Визуальные метафоры, усиливающие мотив «мёртвых душ»: пустые глазницы домов – отсутствие жизни внутри; засохшие деревья – духовное опустошение; тени-скелеты – «мёртвость» душ; дорога в никуда – бессмысленный путь Чичикова и системы; паутина в интерьере – застывшее время; облезлые дома с выступающими брёвнами – отражение состояния владельца [2, с. 116].

Пейзажи как символы духовного опустошения:

- однообразные линии горизонта – застой;
- монохромная палитра (серые, коричневые тона) – отсутствие энергии;
- пустынные просторы и запущенные сады – внутренняя пустота героев и упадок.

Педагогический потенциал адаптации:

- визуализация гротеска помогает понять сатирическую направленность произведения;
- анализ метафор развивает навыки интерпретации символов;
- сопоставление графических образов с текстом углубляет понимание характеров;
- обсуждение композиционных решений развивает визуальное мышление;
- творческие задания (создание иллюстраций, адаптация других глав) стимулируют креативность;
- работа с контрастами (внешнее vs внутреннее, реальное vs кажущееся) помогает раскрыть авторский замысел.

«Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова

Адаптация выделяет мистическую составляющую романа. Контраст между московской реальностью (жёсткие линии, монохром) и фантастическими эпизодами (яркие цвета, искажённая перспектива) создаёт эффект двоемирия [5, с. 90]. Образы Воланда и его свиты стилизованы под комиксы ужасов, что усиливает их демоническую природу.

Визуальная характеристика персонажей и анализ ключевых сцен:

Воланд – асимметричное лицо, тень в форме крыльев, костюм сочетает элементы разных эпох [5, с. 88].

Кот Бегемот – гипертрофированно крупный, с неестественно широкой улыбкой, мех переливается оттенками чёрного и фиолетового [5, с. 92].

Маргарита и Мастер – светлые фигуры на фоне мрачного города, мягкие линии силуэта контрастируют с жёсткими формами Москвы.

Ключевые сцены:

Встреча на Патриарших прудах: статичный кадр сменяется динамичной композицией при появлении Воланда, кровь – единственная яркая деталь в монохромной сцене [5, с. 100].

Полёт Маргариты: смена ракурсов, здания превращаются в абстрактные формы, цветовая гамма меняется от тёмно-синей к фиолетовой и розовой на восходе.

Ершалаимские главы: плоские, почти иконописные изображения, жёсткие тени, Иешуа – светлый силуэт на фоне тёмного неба.

Цветовая палитра:

Москва 1930-х – монохром (чёрный, серый, коричневый) с редкими акцентами красного.

Мистические сцены – яркие, контрастные цвета (пурпурный, изумрудный, золотой).

Ершалаим – охристые, песочные тона с вкраплениями белого и синего.

Символика деталей: зеркало – граница между мирами (сцена в квартире Лиходеева, бал); часы – искажение времени (останавливаются в мистических эпизодах); тени – самостоятельные сущности (тень Воланда, тень Маргариты во время полёта); рукопись Мастера – живая субстанция, переплетающаяся с реальностью.

Нарративные стратегии.

Монтаж: резкие переходы между Москвой и Ершалаимом, подчёркивающие связь времён.

Ракурсы: вид «сверху» для московских сцен (наблюдение, контроль); «изнутри» для мистических эпизодов (вовлечение читателя); фронтальный ракурс для Ершалаимских глав (эффект присутствия).

Текст и изображение: реплики Воланда часто сопровождаются визуальными метафорами (крылья, тени); мысли Мастера передаются через переплетение строк рукописи и пейзажа.

Педагогический потенциал адаптации: визуализация двоемирия помогает понять структуру романа, анализ цветовых решений и композиции развивает навыки интерпретации символов.

Педагогический эксперимент

На базе средней школы № 135 г. Барнаула был проведён эксперимент с участием 60 учащихся 10-го класса. Класс был разделён на две группы:

- контрольная группа изучала произведения традиционным способом (чтение текста, анализ);
- экспериментальная группа использовала графические адаптации в сочетании с текстом.

Методика работы с графическими романами включала: предварительное знакомство с произведением через графический роман, последовательное чтение оригинального текста с сопоставлением визуальных образов, анализ различий в интерпретации ключевых сцен, творческое задание: создание собственной иллюстрации к эпизоду.

Результаты: мотивация к изучению классики выросла на 40 % в экспериментальной группе; понимание художественных образов улучшилось на 35 %; способность анализировать текст повысилась на 25 %; 80 % учащихся отметили, что графические адаптации помогли им лучше запомнить сюжет и характеры персонажей.

Обсуждение полученных научных результатов.

Визуальная составляющая графических романов выполняет несколько функций:

- Упрощение. Сложные тексты становятся доступнее за счёт визуализации сюжетных линий и символов.
- Акцентирование. Иллюстрации выделяют ключевые темы: одиночество Онегина, духовную пустоту гоголевских помещиков, мистику булгаковского романа.
- Эмоциональное воздействие. Цвета, линии и композиция вызывают у читателя непосредственный отклик, минуя этап вербального осмысления.
- Переосмысление. Графические адаптации могут менять трактовку оригинала, смещая акценты (например, с сатиры на трагедию).
- Контекстуализация. Визуальные детали (одежда, интерьеры, пейзажи) помогают воссоздать исторический контекст.
- Нарративная трансформация. Графический роман вводит новые способы повествования: монтаж сцен; игра с временными рамками; визуальные паузы; символические вставки.

Педагогический потенциал графических романов значителен, они могут служить: инструментом предварительного знакомства с классикой; основой для творческих заданий (создание собственных иллюстраций, адаптация других произведений); средством анализа художественных образов через сопоставление текста и изображения; основой для творческих заданий (создание собственных иллюстраций, адаптация других произведений); способом развития визуальной грамотности учащихся; о методом стимулирования дискуссий о разных интерпретациях произведения.

Итак, графические романы не заменяют оригинал, но служат инструментом его интерпретации и популяризации.

Список источников

1. Булгаков, М. А. Мастер и Маргарита. Комикс-версия / М. А. Булгаков; илл. Д. Николаева. – Москва : Графикс, 2021. – 280 с.

2. Варганова, Т. А. Графический роман как феномен современной культуры / Т. А. Варганова // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2020. – № 3. – С. 112–118.

3. Ильин, А. Н. Визуальный поворот в современной культуре: от текста к изображению / А. Н. Ильин // Культурология. – 2019. – № 4. – С. 45–52.

4. Макклауд, С. Понимание комикса. Невидимое искусство / С. Макклауд; пер. с англ. – Москва : Белое Яблоко, 2016. – 216 с.

5. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений. В 10 томах. Том 5 / А. С. Пушкин.– Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние,1978. – 527 с.

Тайшина Софья Анатольевна
Алтайский государственный педагогический университет
г. Барнаул, Россия
Научный руководитель: Козубовская Галина Петровна,
доктор филологических наук, профессор

ПОЭТИКА СНОВ В ПРОЗЕ ЧЕХОВА: НОВЕЛЛА «УЧИТЕЛЬ СЛОВЕСНОСТИ»

Аннотация: Сновидения как феномен находятся в фокусе междисциплинарных исследований, но целостная научная картина изучения поэтики чеховских снов в отечественном литературоведении пока не сформирована. В статье рассматривается поэтика снов в новелле Чехова «Учитель словесности» (1894), анализируется семантика и функции снов Никитина – героя произведения.
Ключевые слова: сон, персонаж, функции, поэтика, мотив, роль